

Я буду издан, вполне возможно,
Когда уж закончится счет моих дней,
И, может быть, будет искать художник
Рисунок к заглавию книги моей.
Он волен, но пусть он рисует все же
Клинок. Чтоб на книге блестел металл.
Как вынимают клинок из ножен,
Всю жизнь я из сердца свой стих вынимал.
Казалось, что трудностям нету края,
Но с мужеством жил я, судьбу не кляня,
Я знал: если мужество я потеряю,
Любовь моя к жизни уйдет от меня.
Без мужества нет ни любви, ни свободы,
Ни дружбы, ни песни, ни дальних дорог,
И вот потому в эти трудные годы,
Как мужества знак, я целую клинок.
Художник на книге пускай нарисует Клинок.
Но не тот, что в крови чужой,
Такой мне не нужен, такой прокляну я,
Пускай он в земле весь покроется ржой,
Клинок, что творил над детьми расправу,
Гасил очаги, был всегда жесток...
Нет! Не такому клинку я славу
Пою — будь он проклят, такой клинок.
Убийство не мужество, подлость это.
Свободы клинок я теперь пою,
Пусть всем угнетенным он служит светом,
Пускай помогает он им в бою.
Он создан из вечного гнева народа,
Из гнева народа и сердца его.
Над миром блистая как символ свободы,
Он вечно над рабством и злом торжество.
Прошло сквозь огонь справедливое слово,
Каленая крепость отточенных строк.
Не надо на книге рисунка другого,
Художник, прошу, нарисуй мне клинок!
1949